

Л. В. Педченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Концептуализация вкусовых ощущений в русском диалектном языке

Педченко Л. В. Концептуалізація смакових відчуттів у російській діалектній мові. У статті робиться спроба дослідити характер концептуальної інтерпретації смакових відчуттів, відображеної в російській діалектній мові. Аналіз етимології та семантики основних найменувань гіркого і солодкого смаків, а також їх дериватів дозволив припустити, що система смакового сприйняття спочатку концептуалізувалася у вигляді двучленної опозиції «смачний» — «несмачний», яка в подальшому диференціювалася за рахунок виділення і лінгвістичного маркування чотирьох базових смаків. На підставі семантичного аналізу діалектної лексики робиться висновок про те, що гіркий і солодкий смаки в російській мовній свідомості концептуалізуються не тільки як конкретні перцептивні відчуття і характеристики природних і рукотворних реалій, здатних їх викликати, але й служать когнітивної базою для номінативної інтерпретації широкого кола емоційно-оціночних категорій.

Ключові слова: *діалектна лексика, концептуалізація, номінація, етимологія, семантика.*

Педченко Л. В. Концептуализация вкусовых ощущений в русском диалектном языке. В статье предпринимается попытка исследовать характер концептуальной интерпретации вкусовых ощущений, отраженной в русском диалектном языке. Анализ этимологии и семантики основных наименований горького и сладкого вкусов, а также их дериватов позволил предположить, что система вкусового восприятия первоначально концептуализировалась в виде двучленной оппозиции «вкусный» — «невкусный», которая в дальнейшем дифференцировалась за счет выделения и лингвистического маркирования четырех базовых вкусов. На основании семантического анализа диалектной лексики делается вывод о том, что горький и сладкий вкус в русском языковом сознании концептуализируются не только как конкретные перцептивные ощущения и характеристики природных и рукотворных реалий, способных их вызвать, но и служат когнитивной базой для номинативной интерпретации широкого круга эмоционально-оценочных категорий.

Ключевые слова: *диалектная лексика, концептуализация, номинация, этимология, семантика.*

Pedchenko L. V. Conceptualization of taste sensations in the Russian dialect language. The paper takes an attempt to study the nature of the conceptual interpretation of taste sensations, reflected in the Russian dialect language. Analysis of the etymology and semantics of the main denominations of bitter and sweet tastes as well as their derivatives allowed us to suggest that the system of taste perception was originally conceptualized as a two-term opposition "tasty" — "tasteless", which was further differentiated by separation and linguistic marking of four basic tastes. On the basis of dialect vocabulary semantic analysis we may conclude that the bitter and the sweet tastes in the Russian linguistic consciousness are conceptualized not only as specific perceptual sensations and descriptions of natural and man-made realities that can cause them, but they also serve as a cognitive basis for nominal interpretation of a wide range of emotive categories.

Keywords: *dialect vocabulary, conceptualization, nomination, etymology, semantics.*

Центральное, доминирующее место в языковой картине мира, несомненно, занимает "образ человека". В русской языковой картине мира человек мыслится прежде всего как динамичное, деятельное существо. Каждым видом деятельности, каждым типом состояния ведаёт своя система. Ю. Д. Апресян называет восемь основных систем, из которых складывается человек: физическое восприятие, физиологические состояния, физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия, физические действия и деятельность, желания, мышление, интеллектуальная деятельность, эмоции, речь. Каждая из перечисленных систем имеет свою внутреннюю организацию, системы разбиваются на подсистемы, образуют иерархию [1:352–356].

Самой простой из названных систем является **восприятие**: оно объединяет человека со всей остальной живой природой. Система восприятия складывается из 5 подсистем: **зрение, слух, обоняние, вкус, осязание**. Подсистемы внутри системы восприятия упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. С этой точки зрения главной подсистемой все исследователи считают **зрение**. За ней следует **слух**, а затем **обоняние, вкус и осязание**. Место той или иной подсистемы в иерархии прямо зависит от числа обслуживающих ее лексем. Так, наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая **зрительное** восприятие. За ней, существенно уступая в объеме, следует лексика **слуха**. **Обоняние, вкус и осязание**, по числу обслуживающих их лексем

уступающие слуху, друг от друга отличаются не столь заметно [1:363].

Такая иерархия системы восприятия связана с антропоцентричностью языка: зрительный канал восприятия является ведущим по объему информации, поступающей через него в сознание человека, другие подсистемы менее развиты, с чем связана относительная бедность соответствующих классов лексем.

Настоящая работа посвящена исследованию диалектной лексики **вкусового восприятия** с точки зрения отражения ею соответствующего фрагмента русской языковой картины мира. Выбор именно этой лексической группы в качестве предмета исследования обусловлен, с одной стороны, ее малой изученностью в современной русистике (особенно в диалектной лексикологии), а с другой — важностью этого материала для реконструкции "образа человека" по данным языка.

Вкус — это восприятие свойств раздражителей, воздействующих на рецепторы рта, в виде вкусовых ощущений. Вкусовое восприятие представляет собой сложную систему, детерминированную не только физиологическими, но и социокультурными факторами.

Так, для азиатских культур характерно выделение 6 вкусов (горького, сладкого, соленого, кислого, жгучего и умами). Иногда выделяют терпкий или «металлический» вкус. В европейской традиции принято различать 4 базовых вкуса — горькое, сладкое, кислое и соленое. Существование всего лишь четырех первичных вкусов не означает, что мы способны испытывать лишь весьма ограниченный набор вкусовых ощущений. Четыре первичных вкуса являются источниками чрезвычайно разнообразных и сложных вкусовых ощущений. Однако далеко не все эти ощущения концептуализируются и вербально объективируются в языке.

Цель данного исследования состоит в выявлении характера концептуализации горького и сладкого вкусов в русском диалектном языке.

Для обозначения горького вкуса в русском языке (как литературном, так и диалектном) используется прилагательное **горький**. Этимологи сходятся в том, что эта лексема восходит к глаголу **гореть** [4 1:445; 5 1:208; 6 7:55–56]. Такой характер мотивации указывает на то, что данное прилагательное первоначально обозначало не горький, а острый, жгучий вкус. В словаре В. И. Даля **горький** толкуется как «острый на вкус, едкий, горючий, противоположный сладкому, напр. перец, горько горюч; полынь, чисто горька» [2 1:383]. Возможность недифференцированного языкового выражения острого и горького вкусов в русском языке, по-видимому, обусловлена общностью их оценочного модуля: оба вкуса интерпретируются как неприятные и оцениваются негативно. Такой характер восприятия горького и острого вкусов детерминирован прагматическими факторами: большинство веществ, ядовитых для человека, имеют горький вкус.

Прилагательное **горький** в своем основном («вкусовом») значении чрезвычайно продуктивно в русских говорах. Оно входит в состав большой группы составных фитонимов: **большой горький** «полынь обыкновенная» Вят.; **горькая лопуха** «лопух малый», «лопух большой», «лопух паутинистый» Ворон.; **горькая трава** «горец щавелистный» Твер., «горечавка язычковая» Енис., «бородавник обыкновенный» Перм., «горькуша скученная» По Волге, Уралу, «горькуша горькая» Якут., «горчак ползучий» Урал., «сердечник горький» Арх., «зубровка душистая» Урал.; **горький корень** «горькуша горькая» (без указ. места); **горький лист** «копытень европейский» Волог.; **горький струч** «стручковый перец» Ворон.; **горькие цветы** «циния» Дон.; **куколь горький** «корооставник полевоц» Казан.; **плоскуха горькая** «вейник» Новорос.; **рябинник горький** «сабельник болотный» Твер.; **стручки горькие** «желтушник левкойный» Вят. [3 7:80–81]. Многочисленны и однословные фитонимы, производные от данного прилагательного: **горокуха** «водяной перец» Пск., «горец шероховатый» Пск., «горец щавелистный» Новг., «полынь горькая» Пск., «одуванчик аптечный» Пск., «сурепица» Латв. ССР [3 7:82]; **горькуша** «водяной перец» Пск., «горец шероховатый» Пск., «полынь» Новг., «соссюрея горькая» Зап. Казах., «одуванчик аптечный» Пск., «горчак ползучий» Урал., «василек-горькуша» Петерб., «ястребинка зонтичная» Смол., «девясил британский» Урал., «лютик едкий» Пск., «зубровка душистая» Урал., Казан., «подмаренник членистый» Влад., «сурепица» Латв. ССР [3 7:82]; **горькушка** «кульбаба осенняя» Олон. [3 7:82]; **горькушник** «горец почечуйный» (без указ. места) [3 7:82]; **горьчук** «соссюрея горькая» Урал. [3 7:83]; **горькая** «зимолобка зонтичная» Волог. [3 7:80].

Другая номинативная сфера, в которой признак «горький вкус» регулярно выступает в качестве мотивировочного — ихтиологическая лексика: **горькая рыба** «горчак» Пенз. [3 7:81]; **горьва** «малек плотвы» Пск., «мелкая плотва» Пск. [3 7:80]; **горькавка** «мелкая плотва» Пск. [3 7:80]; **горькуша** «мелкая плотва» Твер., Пск. [3 7:82]; **горькушка** «рыба горчак» Юго-Зап. России [3 7:82], **горюга** «красноперка молодая», «род плотвички» Твер. [3 7:83].

В других семантических сферах номинации, мотивированные признаком «горький вкус», единичны: **горькуша** «сыроежка» Пск., «съедобный с горьким вкусом небольшой гриб» Твер.; «вишня с мелкими горьковатыми ягодами» Краснодар. [3 7:82].

Структура исследуемого номинативного пространства позволяет сделать вывод о том, что горький вкус в русском крестьянском языковом сознании концептуализируется в первую очередь как вкус природных объектов, в основном растений. Заметим, что в сфере номинации кулинарных изделий и других артефактов признак «горький вкус» актуализируется крайне редко.

Метафорическое переосмысление перцептивного признака «горький» в русском диалектном

языке представлено двумя семантическими векторами: эмотивным и экспрессивным.

Неприятные ощущения, вызываемые горьким вкусом, детерминируют однозначно негативную эмоциональную оценку, что проявляется в значениях «плохой», «несчастный», «бедный»: *горький* в форме сравн. ст. «хуже, тяжелее» Твер., Арх., Калуж., Курск., Южн., Терск., «малоимущий, бедный» Новг., «огорченный, расстроенный» (без указ. места) [3 7:81]; *горе-горький* «очень несчастный» [3 7:81]; *горько* нареч., сравн. ст. *горше* «хуже, тяжелее» Дон., Оренб. [3 7: 81]; *горькач* «сирота» Смол. [3 7:80]; *горькуха* «о несчастном, горьком человеке» Смол. [3 7:82] и др.

Экспрессивные переносные значения выражают интенсивность проявления признака или действия: *горький* в форме сравн. ст. «больше, сильнее» Курск., Орл., Твер. [3 7:81]; *горько* «очень сильно» Смол., Курск., «крайне необходимо» Свердлов., *горькобедный* «очень несчастный» Север. [3 7:81].

Иную семантическую структуру демонстрируют русские наименования сладкого вкуса. Наряду с неполногласной старославянской формой *сладкий* в великорусских говорах встречаются и формы с полногласием *оло-*: *солодкий* и их дериваты. По мнению П. Я. Черных, прилагательное *сладкий* восходит к и.-е. корню **sal-* с расширителем *-d*, который употреблялся для выражения понятия «солёный», «соль» [5 2:173]. Данное утверждение, на наш взгляд, требует существенного уточнения: изначально корень **sal-* мог употребляться недифференцированно для обозначения как солёного, так и сладкого вкусов. В этой связи показательно использование в русских говорах лексемы *солить* (с корнем *сол-* без расширителя *-d*) в значении «делать сладким, прибавляя сахар. *Солите песочком-то. Ягоду-то, слаще будет, солите ягоды-то.* Пинеж. Арх., 1959» [3 39:264].

Этимологическое родство наименований сладкого и солёного вкусов может указывать на то, что первоначально корень **sal-* выражал более общее понятие — «имеющий приятный вкус, вкусный». Подобное мнение высказывает М. Фасмер: «Праслав. **saldь-къ*, родственно лит. *saldùs* "сладкий", лтш. *salds* — то же, лит. *salti, sąlù* "становиться сладким", далее сюда же соль. Первонач. знач. было "солёный, вкусный, пряный"» [4 3:713]. Такой путь семантического развития представляется вполне мотивированным, поскольку очевидно, что использование как сахара, так и соли улучшает вкусовые качества пищи. Эта гипотеза подтверждается семантикой русских диалектных лексем, содержащих данный корень: *сладкий*, вкусный. *Без соли не сладко, а без хлеба не сытно. Сладко пьют да едят. Жить гладко, пить-есть сладко!* заздравное пожелание. *Хоть не сладко, да сытно. Сладкая еда карману вреда* [2 4:217]; *сладкий*. Вкусный, приятный на вкус. Даль. *Порасхвастался удами ты сладкима, Да й порасхвастался ты питьямы медвяныма.* Олон., Арх. *Карась много слаще плотвы.* Яросл. Новг. *Ешь, картошка сладкая, масла много по-*

ложила. Моск. *Хорошая рыба, скусней ей нету. Окунья и вьюн — слажней нету.* Ряз. *Сладкая селедочка.* Ворон. *С начинкой пироги — лук мелко покрошим, черный посыплем, — сладкие бывают.* Казаки-некрасовцы. *С курицей лапша сладкая.* Ставроп. *Зайчатину едим, она же сладкая.* Кубан. Азерб. ССР. *А такая масла (постное) сладкая, а не идет.* Груз. ССР. *Соль — большое дело. Всякая пища от нее слаще.* Горьк. *Из налимов да лецовой уха шибко сладкая.* Перм. *Попробуй-ка какой сладкий суп-то,* Свердлов. Челябин. *Сладкая* [о пище] — *ум отъешь.* Тобол. *Курник скусный, сладкий.* Том. *Репну кашу (из репы) варили, сейчас и есть не будут, а раньше сладкая была.* Южн. Краснояр. *После холода щи-то шибко сладкие.* Забайкалье || *Сладкий*, м., в знач. сущ. Прозвище человека за пристрастие к вкусной пище. Чкал. [3 38:222]; *сладкая нерпа.* Мясо самки тюленя, не имеющее запаха "пороза". Колым.; *сладкое мясо.* Мясо высшего сорта, а также "телячий зоб". [3 38:223], *сладко*, нареч. Вкусно, приятно на вкус. *Каждый день сладко не наешься, хорошо не находишься.* Курск., Моск., Смол., Яросл., Волог., Перм., Свердлов., Чкал. *Она все сладко варит.* Забайкалье. *А он ел сладко да и пил красно.* Петрозав. Олон., [3 38:224]; *сладкомордый*, ая, ое. Любящий вкусно поесть, разборчивый на еду. *Кутейник сладкомордый.* Моск., Яросл. [3 38:225]; *сластёна*, ж. Человек, любящий вкусно поесть, лакомка. Южн.-Сиб. *Вишь, ты сластена какая, постные щи и не изволят хлебать.* Перм. Костром., Новг., Смол., Курск., Ворон. [3 38:235]; *сластимый*, ая, ое; 2. Вкусный, питательный (об обеде). Пск., Твер. [3 38:236]; *солодкий*, ая, ое 2. Вкусный. Смол., Пск., Ворон. [3 39:284]; *солодко*, нареч. Вкусно. Смол. [3 39:284] и др.

Конкретное вкусовое значение «сладкий», которое в современном русском языке является основным для лексем с корнем *-слад-* / *-солод-*, может быть интерпретировано как результат дифференциации, детализации первоначального синкретичного понятия «вкусный».

В говорах русского языка значение «имеющий сладкий вкус» чрезвычайно продуктивно и актуализируется в различных семантических группах:

1. Наименования кулинарных изделий, напитков: *сладкая брага.* Брага с медом; *сладкая похлебка.* Новг., Иван. *Раньше похлебку сладкую из фруктов с водой делали, а теперь компот называют.* Моск.; *сладкая сметана.* Сливки. Перм.; *сладкий караваец, пирог.* Пирог с начинкой из ягод, изюма, урюка, варенья. "Пекут круглой формы, открытые, с крышкой или переплетами из теста". Костром., р. Урал, Иркут.; *сладкий суп.* Компот. Яросл., Новг., р. Урал.; *сладкое*, ср., в знач. сущ. а) *Сладкое.* Род рыбного или мясного соуса. Пск. б) *Сладкое.* "Тесто из солоду". Новг. в) *Сладкое.* Вода с солодом. Новг. [3 38:223]; *сладкое*, ср., в знач. сущ. В свадебном обряде — пирожки с вареньем и вино, посылаемые отцом невесты новобрачным утром на другой день после свадьбы. Новг.; *сладкие пироги.* Маленькие пи-

рожки с мясом и черемухой, политые маслом и посыпанные сверху толченым сахаром, которые подаются как последнее блюдо свадебного или какого иного угощения. Амур. [3 38:223]; **сладкость**, ж. Кондитерские изделия, сладости. *Сладкостии совсем в городе нет*. Яросл., Ср. Прииртышье [3 38:225]; **сладкУшки**, мн. Пышки из солода и ржаной муки. Влад. • Сладкая лепешка. Горьк. [3 38:225]; **сладушка**, ж. 2. **Сладушка**. Пышка из кислого теста с рубленой сахарной свеклой. Саратов. [3 38:225]; **сластёна** 2. Вода, подслащенная медом, или медовый отвар на воде; сыта. Пск., Твер. 3. Обычно мн. Оладьи, лепешки, жаренные на постном масле. Смол. *Съел три сластены*. Смол. *Сластены пекли в палатках, надевали их на деревянные спицы и на лотках носили по ярмарке*. Брян., Курск., Черниг. • "Мелкие сдобные печенья из пшеничной муки, вроде оладьев". Ворон. || Оладьи на меду. Зап., Южн. *Съел три сластены*. Смол. [3 38:235]; **сластёнки**, мн. Сладкие, сдобные лепешки. Ворон. || Оладьи. Калуж. [3 38:235]; **сластИнка**, ж. Что-л. сладкое (конфеты, сладости и т. п.). *Пока дочка была, то и конфеты были. А как съехавши, дак и сластинки не вижу*. Новг. [3 38:236]; **сластИны**, мн. Сладости. Свердл. [3 38:236]; **сластИИ**, ж. Сладости. Влад. [3 38:237]; **сластУшка**, ж. 2. Мн. Печенье из ржаной муки и солода. *Сластушки мы в праздники пекли*. Ср. Прииртышье [3 38:237]; **слаТенье**, ср. Сладкое, лакомство. Свердл. [3 38:238]; **слаТина**, ж., собир. Сладости, лакомства. Курган. *Делали вахли, пирожки стряпали маленькие с изюмом — вот и слатина была вся*. Соликам., Перм. [3 38:238]; **слаТЫли**, м. Особый сладкий хлеб. *Из солода-то слаТыли пекли*. Иван. [3 38:238] и др.

2. Наименования растений и грибов: **сладкая береза**. Молодая березка. "(Для добывания березового чая) надо выбирать сладкую березу. Жарову не надо — (молодую, где больше соков)". Иркут.; **Сладкая трава**, а) Растение *Heracleum ranaces* L., сем. зонтичных; борщевик. б) Растение *Heracleum spondylium* L., сем. зонтичных; борщевик обыкновенный. Иркут., Сиб. в) Растение *Solanum nigrum* L., сем. пасленовых; паслен черный. г) Растение *Tomefortia* L., сем. бурачниковых; турнефорция. Р. Урал, д) Растение *Solanum persicum* Will., сем. пасленовых. Вят. е) Растение клевер. Вят.; **сладкие дудки**. Растение *Angelica silvestris* L., сем. зонтичных; дудник лесной. Олон.; **сладкие корешки**. Растение *Polypodium vulgare* L., сем. многоножковых; многоножка обыкновенная, сладкокорень. Олон.; **сладкий корень**, а) То же, что сладкие корешки. Перм. б) Растение *Glycyrrhiza* L., сем. мотыльковых; солодка. "Солодка, лакрица". Даль, в) Растение *Scorzonera* L., сем. сложноцветных, козелец; **сладкие соски**. Растение *Frifolium repens* L., сем. мотыльковых; клевер ползучий, дятлина белая. Олон.; **сладкие сосочки**. Растение *Galeopsis versicolor* L., сем. губоцветных; пикульник разноцветный. Твер.; **Сладкий гриб**. Подберезовик. Свердл.; **сладкий лимон**. Разновидность "персид-

ского" апельсина. Астрах.; **сладкий папоротник**. То же, что сладкие корешки. Приангунье; **сладкое зелье**, а) Растение *Ynula oculus Christa* L., сем. сложноцветных; девясил Христово окно. Таврич. б) Растение *Ynula Bubonium* L., сем. сложноцветных; девясил. Таврич. [3 38:223–224]; **слаДУшка**. Съедобная, продолговатая тыква. Дон. [3 38:225]; **слаТИха**, ж. Брюква. Арх., Волог. [3 38:238]; **сластУха**, ж. Гриб сыроежка. Яросл. [3 38:235]; **сластёна**. Съедобный гриб [какой?] сладковатого вкуса, белого цвета. *Мы вчера целую плетуху сластен принесли, мать отварила их, они дюже хороши*. Калуж. *Сластены — это грибы, рождаются кустиками, они белые, по морозу рождаются после всех*. Моск. [3 38:235]; **сластёха**, ж. Гриб сыроежка (желтая). Пск. [3 38:235]; **сластИха**, м. и ж. 2. Растение *Solanum dulcamara* L., сем. пасленовых; паслен сладко-горький. Вят. [3 38:236]; **сластнУшка**, ж. Гриб сыроежка. Яросл. [3 38:237]; **сластУха**, ж. 2. Гриб сыроежка. Яросл. [3 38:237]; **сластУшка**, ж. Гриб сыроежка. Яросл. [3 38:237]; **сластУха**, ж. Гриб сыроежка. Яросл. [3 38:238]; **сластУшка**, ж. Гриб сыроежка. Яросл. [3 38:238]; **солодУхи**, мн. 1. Грибы маслята. Яросл. 2. Гриб свинушка. Иван. [3 39:287]; **солодёны**, мн. Грибы грузди. Брян. [3 39:282].

3. Антропонимы, в семантике которых выделяется дифференциальный признак «любящий сладкое»: **сладёха**, ж. Сладкоежка, лакомка. *Она сладкого есть помногу. ... Вот сладеха!* Ряз. [3 38:221]; **сладкоЕга**, м. и ж. Сластена, сладкоежка. Моск.; **сладкоЕд**, м. Сладкоежка. Ворон. Мурман.; **сладкоЕда**, м. и ж. То же, что сладкоега. Южн.-Сиб. **сладкоЕдец**, м. Сладкоежка, лакомка; разборчивый в еде человек. Арх. *У меня внук сладкоедец, любит пироги с морковью*. Моск.; **сладкоЕж**, м. Сладкоежка, сластена; лакомка. *Все бы, говорит, сладенько ел, сладкоеж*. Перм. **сладкоЕжа**, м. и ж. То же, что сладкоеж. Южн.-Сиб., Петерб. [3 38:224]; **сладкочорОтик**, м. Сладкоежка, лакомка. Краснояр., Горно-Алт. [3 38:225]; **сладкочлебАтель**, м. То же, что сладкоедец. Яросл. [3 38:225]; **сладчОнка**, ж. Сладкоежка, любительница хорошо поесть; лакомка. *Есть бабы сладчонки такие*. Р. Урал [3 38:225]; **сластИк**, м. Сладкоежка, лакомка. Нижегород. [3 38:234]; **сластённый**, м. Сладкоежка, лакомка. Курск., Ворон.; **сластённый**, м. Любящий сладкое. *Славка у нас беда сластённый, так и бы ел все сладко*. Р. Урал [3 38:235]; **сластёха**, ж. 1. Сладкоежка, лакомка. Пск., Твер., Смол. [3 38:235]; **сластИк**, м. 1. Сладкоежка, лакомка. Южн. Горьк.; **сластИца**, ж. Сладкоежка, лакомка. Нижегород. *Мы ведь уже старухи, а все-таки как сластницы*. Р. Урал [3 38:236]; **сластИОй**, м. Сластена. Арх. [3 38:237]; **сластУн**, м. Сладкоежка, лакомка. Костром., Моск., Горьк.; **сластУнья**, ж. Сладкоежка, лакомка. *Она у меня не сластунья, сластного не ест и чай пустой пьет, не-сладкий*. Моск. [3 38:237]; **солодёха**, ж. Лакомка, сластена. Ряз. [3 39:283].

Перцептивное восприятие сладкого вкуса как приятного, доставляющего удовольствие легло в основу модусной составляющей соответствующей

щего лингвокультурного концепта, что проявилось в характере использования лексем с корнем *слад-* / *солод-* в функции вторичной номинации. В русских говорах лексемы с данным корнем развили ряд значений, выражающих позитивную оценку:

– «милый, любимый (о человеке)»: *сладИмчик*, м. Милый, любимый, близкий сердцу человек. [3 38:221]; *сладИночка*, м. и ж. Ласк. В обращении: дорогой, милый мой. Ср. Прииртышье [3 38:221]; *сладкий приятель*. Закадычный друг. Курск. [3 38:223]; *слатУшечка*, м. и ж. Ласковое обращение к ребенку. Яросл. [3 38:238]; *сладкий*. Приятный, милый, хороший (о человеке). Яросл. *Женина родня слаще*. Иван. Посредством мотивировочного признака «сладкий» номинативно маркируется и чрезмерное проявление данного признака: *сластИмый* Приторно-ласковый, чрезмерно любезный. *Этот парень сластим, как солодка*. Волог. [3 38:236]; *солОденький* 2. Чрезмерно любезный, красноречивый (о человеке). *Ен таки солоденький-ты послухай, як ен кадка, а робе по-другому*. Зап. Брян. [3 39:283].

– «приятный, доставляющий удовольствие»: *сладИмый* Приятный, доставляющий удовольствие; *сладИмый ветер*. Теплый, южный, дующий при раннем весеннем севе. "*От сладИмых ветров ожидают плодородия*". Нижегород., Влад. [3 38:221]; *сладкий* и *сладкой*. Хороший, приятный (о запахе, бане и т. п.). *Шибко дух-от не сладкий*. Удм. ССР; *сладкая баня*. Баня без угару и излишнего жара. Перм. [3 38:223]; *сладко* 2. Приятно, хорошо (сидеть, находиться и т. п.). С неопр. формой глаг. *На вечерке сладко было сидеть. Придешь и уходишь неохота, так сладко с ним быть*. Забайкалье, [3 38:224].

Семантический признак «удовольствие» послужил мотивационной базой для развития у лексем с корнем *слад-* / *солод-* значения «чувственный, страстный»: *сластИный*. Чувственный, сладострастный [3 38:237]; *сластёна* Сладострастный, сладострастный человек. *Этот старичок большой сластена, с вождедением смотрит на каждую*. Волог. [3 38:235].

Характеристики речевого поведения человека, мотивированные признаком «сладкий», демонстрируют оценочную амбивалентность: одни номинации выражают позитивную оценку (*сладкое слово, сладкие речи*). Хорошее, приветливое слово, речи. Олон., Волог. [3 38:223]; *сладУнка*, ж. Говорун, весельчак. Дон. [3 38:225]; *сладко сказать, говорить* и т. п. Говорить, сказать, доставляя удовольствие кому-л. Твер. [3 38:224]), другие — негативную (*сластИха*, м. и ж. 1. Лыстец, подхалим. Пск., Твер. [3 38:236]); *сластИть* 4. Рассказывать небылицы, врать. Тобол. [3 38:236]; *слатИть*

2. Говорить небылицы, врать. Тобол. [3 38:238]); *солодИть* Неперех. Сплетничать, наущничать. Арх. *Будет тебе солодить по деревне-то*. КАССР [3 39:283]. В некоторых случаях оценочный семантический компонент эксплицитно не выявлен (на уровне словарной дефиниции): *сластёна* О сладкоречивой женщине. Пск., Твер. [3 38:235].

Таким образом, анализ этимологии и семантики русских диалектных наименований вкусовых ощущений дает основания предположить, что система вкусового восприятия первоначально концептуализировалась в виде двучленной оппозиции «вкусный» — «невкусный», которая в дальнейшем дифференцировалась и детализировалась, что привело к выделению и лингвистическому маркированию основных базовых вкусов — горького, сладкого, кислого и соленого.

Лексические данные русского диалектного языка также показывают, что горький и сладкий вкус в русском языковом сознании концептуализируются не только как конкретные перцептивные ощущения и характеристики природных и рукотворных реалий, способных их вызвать, но и служат когнитивной базой для номинативной интерпретации широкого круга эмоционально-оценочных категорий. Данное явление объясняется характером взаимодействия различных систем человека. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «разные системы и подсистемы человека в разной мере автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Чем проще система, тем она более автономна. Чем сложнее система, тем она менее автономна, т. е. тем больше число других систем, которые она активизирует или данными которых пользуется» [1:361]. Восприятие, как наиболее простая система, является наиболее автономным, что подтверждает и проанализированный нами материал: лексемы, обозначающие горький и сладкий вкус, в ономаσιологическом аспекте представляют собой первичные номинации, поскольку их первоначальная семантика, хотя и демонстрирует определенные смысловые трансформации, однако не выходит за пределы сферы вкусовых ощущений. Эмоции и речь, являющиеся наиболее сложными системами, наименее автономны, они в наибольшей степени взаимодействуют с другими системами человека. Возникновению эмоции, как правило, предшествует восприятие какой-либо объекта и его оценка как плохого или хорошего для субъекта. Данное обстоятельство обуславливает своеобразную «сублимацию» вкусовых ощущений, их экстраполяцию в сферу эмоциональных реакций и речевого поведения, что находит яркое отражение в русской диалектной номинации.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография — М.: Языки русской культуры, 1995. — С. 348—373.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1989 — 1991.
3. Словарь русских народных говоров. — В. 1—43. — Л.: Наука, 1965—2010.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1987.
5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. — В 2 т. — М. : Русский язык, 2002.
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. — Вып. 1 — 36. — М. : Наука, 1974 — 2010.